



## ***Успех евразийской интеграции зависит от того, насколько честно и доходчиво мы расскажем о ней людям***

*Интервью публикуется в рамках партнерской поддержки проекта «Актуализация наследия российской интеграции народов и культур в формате „мягкой силы“ современной России на евразийском пространстве», реализуемого АНО «Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.*

Реальность международных отношений такова, что современный евразийский интеграционный проект — это прежде всего взаимодействие информационно-коммуникационных пространств и выработка общей ценностно-мировоззренческой основы на ключевых направлениях. В этом контексте формирование позитивного имиджа России в условиях международной турбулентности и трансформации глобального порядка становится важной внешнеполитической задачей. Перспективы развития и практического применения публичной дипломатии на евразийском пространстве зависят от двух принципиально важных обстоятельств: во-первых, от расширения предметного диалога, включения в него все более конкретных и даже деликатных вопросов евразийского интеграционного сближения, а во-вторых, от создания системы многосторонних диалоговых площадок с участием государственных и негосударственных акторов не только стран ЕАЭС, но и их регионального окружения.

О необходимости проявления стратегической инициативы в этом контексте и интеграционных ресурсах гражданского общества в интервью Ларисе Полковниковой рассказал заместитель исполнительного директора Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, исполнительный директор Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова Роман Николаевич Гришенин.

*Какую роль в евразийской интеграции играет «мягкая сила»?*

Мы в Фонде Горчакова не очень любим придуманный Джозефом Наем термин «мягкая сила», предпочитаем называть то, чем занимаемся, информационно-разъяснительной работой. Не считаем эти понятия абсолютно тождественными. Концепция «мягкой силы» в том виде, в каком ее сформулировал Най, предполагает, в первую очередь, создание надежных позиций влияния в иностранных государствах, чтобы иметь возможность оказывать выгодное для США управляющее воздействие на протекающие в них внутривнутриполитические процессы. И это подразумевает использование целого набора форм и методов реализации «мягкой силы», которые принято называть инструментарием. И хотя прежде всего речь идет о деятельности по созданию привлекательного образа собственного государства в других странах и о вкладе, как раньше было принято говорить, в копилку мировой цивилизации, мы видим, что часто и очень, кстати,

эффективно используются такие формы, как прямой подкуп политических элит той или иной страны, политические и военные провокации и так далее.

Я также не вижу ничего плохого в слове «пропаганда», хотя оно не очень точно отражает суть нашей деятельности. Мы реализуем чрезвычайно важную функцию — функцию информирования граждан. И коль скоро мы сегодня говорим о евразийской интеграции, отмечу, что ее успех в первую очередь зависит от того, насколько быстро, полно, честно и доходчиво мы расскажем людям о ней.

Трансформация информационного общества обусловила некий слом мышления. Сегодня общество заразилось геростратовым комплексом — в погоне за хайпом все средства хороши. Помните, в советском мультике



про Чебурашку старуха Шапокляк говорила, что хорошими делами прославиться нельзя. Раньше считалось неприличным, сделав доброе дело, говорить об этом. Сегодня же все иначе. Надо обязательно рассказать о своем поступке, чтобы стимулировать потенциальных последователей делать добрые дела. Именно поэтому от нас требуется максимум для того, чтобы истории успеха в рамках евразийского интеграционного проекта популяризировались и о них узнавало как можно больше людей в странах-участницах и в странах, которые рассматривают возможность присоединения к этому проекту.

➤ **Насильно мил не будешь. Без взаимной симпатии, «приятя» не получится ни нормальной торговли, ни общественно-гуманитарного сотрудничества на желательном уровне.**

*Если понимать «мягкую силу» как интеграционный ресурс на постсоветском пространстве («интеграция вглубь»), то каковы, на ваш взгляд, наиболее эффективные механизмы «мягкой силы» России?*

На Петербургском экономическом форуме руководитель Россотрудничества Элеонора Митрофанова, говоря о «мягкой силе», подчеркнула, что мы никого не покупаем. И это действительно так.

У нас нет ни денег, ни желания подкупать журналистов, политологов, лидеров общественного мнения, мы не оплачиваем посты в социальных сетях, не организуем и не финансируем информационно-пропагандистские кампании в традиционных СМИ и блогах, чем часто грешат наши зарубежные друзья. Тем не менее мы делаем все возможное для того, чтобы экспертные слои, молодежь — именно она в ближайшем будущем начнет формировать информационную и общественно-политическую повестку в своих государствах — получали как можно больше правдивой, точной информации о Российской Федерации, ее внешне- и внутривнутриполитических приоритетах, равно как и о тех интеграционных процессах, в которых она участвует.

Одним из наиболее продуктивных способов популяризировать идею евразийской интеграции является демонстрация историй успеха в сфере экономики — нет ничего нагляднее таких объ-

ективных показателей, как рост благосостояния граждан, увеличение количества рабочих мест и так далее.

Думаю, что рано или поздно ЕАЭС, пройдя определенные стадии эволюции, приобретет черты политического союза и нам придется обсуждать какие-то политические аспекты. Но сегодня успех этого проекта в первую очередь зависит от его рентабельности и взаимной выгоды.

Страны-участницы видят экономическую целесообразность в гармонизации, допустим, таможенных тарифов. Если в результате этого начнет стабильно расти экономика, повышаться благосостояние граждан, то интеграция будет развиваться и крепнуть. Если нет, значит, экономическая основа, базис, фундамент выбраны неверно. Безусловно, в данном контексте чрезвычайно важно взаимное доверие и уважение участников интеграции. А это как раз и есть основное поле деятельности нашего фонда и аналогичных структур.

Думаю, что здесь международные процессы являются отражением обычной жизни граждан: без взаимной симпатии, «приятя» не получится ни нормальной торговли, ни общественно-гуманитарного сотрудничества на желательном уровне. Насильно мил не будешь, поэтому нужна долгосрочная стратегия планомерного создания позитивного имиджа своего государства, в первую очередь в сознании населения тех стран, которые уже вовлечены в интеграцию или планируют сделать это в ближайшее время. В эпоху постправды и фейкньюс (ложных новостей) это достаточно сложная, но посильная работа.

Есть ли грань между «мягкой» и жесткой силой? Думаю, что существует принципиальная разница между таковой в США и РФ. Соединенные Штаты создали свой привлекательный образ — культура, наука, образование, высокий уровень жизни, но их «мягкая сила» основывается на возможности в любой момент применить жесткую силу. Такой вывод мы делаем исходя из стратегии национальной безопасности США, из обсуждаемой сейчас стратегии глобального молниеносного удара. Ничего подобного в оборонной стратегии Российской Федерации нет.

Хочу отметить, что Джозеф Най создавал концепцию «мягкой силы» не на пустом месте. Он переосмыслил идеи философа-марксиста, коммуниста Антонио Грамши, изложенные в его «Тюремных тетрадах» почти 100 лет назад. Многие

сейчас говорят не о «мягкой силе», а об «умной силе» (*smart power*), и понятно, что научному сообществу, в первую очередь американскому, надо будет трансформировать подобную идеологию под конкретные нужды внешней и внутренней политики США. Иными словами, подвести научную базу под то, что сейчас происходит на международной арене. И еще нескольким поколениям американских политологов придется каким-то образом объяснять политику администрации Трампа. Не секрет, что внешняя политика США во многом обусловлена политикой внутренней. Последние пятьдесят лет так было при любой администрации: на фоне снижения поддержки населения нужна небольшая победоносная война где-то за пределами Соединенных Штатов.

*Как обязательный элемент...*

На языке политтехнологов это называется отвлечением протестной активности населения на негодный объект. Если инструментарий американской «мягкой силы» не работал, она всегда достаточно быстро перетекала в жесткую силу. Последний пример — Сирия: когда попытка государственного переворота через так называемые элементы гражданского общества не удалась, были включены механизмы жесткой силы, профинансирована вооруженная оппозиция, и все мы знаем, к чему это привело. Жесткая сила США зачастую менее действенна, чем «мягкая», у них лучше получается оказывать контролируемое воздействие на внутреннюю политику не с помощью оружия, а через пропаганду и прямой подкуп политических элит в том или ином государстве.

*Зачастую наши международные образовательные программы как инструмент «мягкой силы» являются копиями западных моделей. В этом случае очень сложно оценить потенциал взаимодействия в долгосрочной перспективе. Нет ли у нас нормативной зависимости по вопросам «мягкой силы»?*

Это очень интересный момент, на котором я хотел бы сделать акцент. Считаю, что существуют такие сферы деятельности, где не надо изобретать велосипед. На протяжении многих лет наши партнеры использовали в отношении нас определенные вполне действенные и успешные механизмы: например, проводили научно-практические конференции для молодых людей, на которых рассказывалось о преимуществах западного образа жизни, западной идеологии, культуры и науки.

Но мероприятия в формате научно-практических конференций для молодых лидеров обще-



ственного мнения, молодых ученых, молодых политологов и журналистов, социально и политически активной молодежи, которые чрезвычайно эффективны, — это оружие обоюдоострое. Его можно применять точно так же, как окно Овертона, оно работает как в одну, так и в другую сторону. Подобные механизмы можно использовать.

При этом мы стараемся сделать так, чтобы наши программы отличались от программ наших партнеров большей насыщенностью лекциями и выступлениями российских ученых и общественных деятелей.

Основной принцип — это подробный честный рассказ о том, что происходит в Российской Федерации и в ЕАЭС. Строительство потемкинских деревень и шапкозакидательство — не самый хороший способ привлечь людей на свою сторону.

Любой интеграционный процесс либо процесс экономического развития отдельно взятого государства — длительная процедура, которая зависит от многих факторов и от складывающейся конъюнктуры. Мы говорим о том, что намерены предпринять для дальнейшего развития, и пытаемся предельно четко рассказать, в каком направлении и каким способом это развитие будет осуществляться, будет ли оно совместным в рам-

ках неких интеграционных процессов или речь идет о развитии экономики и политики России как отдельно взятого государства.

*Каким должен быть уровень образования тех людей, которые включены в систему обеспечения интеграционных процессов? Сейчас произошел отток квалифицированных кадров по возрасту и месту людей, подготовленных в советский период, заняли молодые специалисты. Достаточно ли они компетентны? Ведь образовательные программы на какое-то время были отданы на откуп Соросу...*

Придя семь лет назад работать в Фонд Горчакова, я скептически относился к термину «молодые эксперты». Хочу признаться, что был не прав. Представители старшего поколения традиционно критикуют молодежь, как доставалось и нам в свое время. Но меня радует молодая поросль, это очень умные, креативные и образованные люди, которые связывают свое будущее именно с интеграционными процессами. Я говорю не только о жителях столицы, например выпускниках МГИМО, — внешняя политика России, международное сотрудничество не ограничиваются пределами МКАД. Мы реализуем много программ в странах — участницах ЕАЭС, в регионах Российской Федерации, привлекая молодежь к участию в наших научно-образовательных программах, и можем уже делать определенные выводы.

Молодежь видит в евразийской интеграции возможности для социального роста. Данному проекту сейчас посвящено немало дипломных и магистерских работ, евразийская проблематика интересна молодежи — и это очень хорошо. Есть надежда, что через какое-то время интеграционные процессы получат основательное научное обоснование.

Я далек от мысли сравнивать уровень образования, допустим, представителей моего поколения и сегодняшних выпускников, тем не менее хочу отметить, что он вселяет оптимизм, хотя молодежь и упрекают за клиповое сознание. Молодые люди много читают, умеют работать с источниками, об этом свидетельствуют их исследовательские мотивационные эссе, которые они пишут, чтобы принять участие в наших научно-образовательных программах. А конкурс на участие в этих мероприятиях высокий, по пять-шесть человек на место.

*Какова роль фестивалей, конгрессов и других общественных мероприятий в век Интернета? Знаете, мы в фонде не очень любим слова «фестиваль», «конгресс», «форум», потому что в научно-образовательном формате эти мероприятия не так эффективны, как небольшие научно-практические конференции и круглые столы. Опыт показывает, что молодым и не очень молодым людям всегда интереснее работать с экспертами в интерактивном формате: не просто поприсутствовать в зале, но и иметь возможность задать вопрос и получить на него ответ в ходе непосредственного общения. Формат, когда собираются 20–30 человек, объединенных схожими интересами, которые продуктивно общаются несколько дней, интересен и тем, что люди, принимающие участие в таких мероприятиях, в итоге создают определенную живую социальную сеть. Не в Интернете. Это чрезвычайно важно. Люди, участвовавшие во многих мероприятиях Фонда Горчакова и активно с нами взаимодействующие, стали членами Клуба Горчакова, который раньше назывался Клубом друзей Фонда поддержки публичной дипломатии имени Горчакова. Он уже объединяет более 250 человек из 28 государств, и это не просто единомышленники, но подчас*

*и друзья. Мы раз в год на несколько дней собираемся в Москве в формате конференции, чтобы обсудить наиболее актуальные вопросы внешней и внутренней политики. Первое заседание Клуба состоялось пять лет назад, и за эти годы многие из его членов стали достаточно известными фигурами в своих государствах. Для нас чрезвычайно важно, чтобы хорошие отношения, успешно говоря, будущего*



премьер-министра Армении и будущего президента Сербии сложились именно в результате участия в мероприятиях нашего фонда. И совсем не обязательно, чтобы все эти молодые люди вступали в Клуб Горчакова.

У нас недавно прошли два важных мероприятия в Калининграде. Их участники получили хорошую возможность познакомиться, установить контакты и впоследствии взаимодействовать как в профессиональном, так и в личном плане. Они быстро создают отдельную группу в социальных сетях и активно общаются там. Это очень интересный опыт.

*Каково, по вашему мнению, влияние ПМЭФ на внешнеполитический образ России?*

Считаю, что форум в первую очередь важен для лидеров общественного мнения, потому что у них есть возможность непосредственного общения. Это площадка, на которой выступают все ключевые спикеры и люди, определяющие политику государства. Безусловно, это значимый эле-

➤➤ «Мягкая сила» США основывается на возможности в любой момент применить жесткую силу.

мент «мягкой силы» России. В зависимости от того, кто приехал, а кто нет, мы можем проанализировать внешнеполитический имидж нашей страны, определить некую «среднюю температуру по больнице». Это прекрасная площадка, на которой представители органов государственной власти и управления в доступной форме могут донести до общества информацию о том, что мы будем делать дальше. Отрицательной стороной таких мероприятий является то, что не у каждого участника есть возможность высказаться.

Меня несколько удивило присутствие на ПМЭФ индийского йога, а также ряды пикейных жилетов — псевдоэкспертов, которые готовы высказываться по любой проблеме внешней или внутренней политики, смело называя себя политологами. Считаю, что важно мнение узких специалистов. Например, один из ведущих российских специалистов по Кавказу и очень уважаемый мною Сергей Маркедонов никогда не будет комментировать вопросы исследования арктического шельфа. В то же время я знаю множество людей, которые с удовольствием вам расскажут

и об астрономии, и о взаимоотношениях пингвинов в Антарктиде, и о евразийской экономической интеграции. К сожалению, таких у нас более чем достаточно, а экспертный диалог отчасти ушел в формат телевизионных ток-шоу. Однако на встречах в Фонде Горчакова эксперты говорят совершенно о других вещах, другим тоном, делают более сдержанные, цивилизованные прогнозы.

*А нельзя ли перенести такие встречи в медиапространство?*

К сожалению, иррегулярная война, в состоянии которой мы сейчас находимся, не позволяет нашим западным коллегам вслух говорить то, о чем они на самом деле думают. Многие вещи они нам сообщают шепотом, потому что боятся неприятных последствий для себя лично. Для многих политологов, исследователей на Западе чрезвычайно важно не выпасть из мейнстрима. Я знаю людей, не буду называть их имена, положительно отзывавшихся о России и из-за этого ставших в своих странах изгоями. Они перестали получать финансирование на исследования, их не приглашают на конференции, потому что знают, что они могут сказать не совсем то, чего от них ждут организаторы мероприятия. Это постыдный факт. Российские эксперты, как правило, говорят то, что думают, они в меньшей степени зависимы от конъюнктуры.

*Хорошо ли информировано население о плюсах интеграции? Как бы вы оценили эффективность работы телекомпании «Мир»?*

Донести историю успеха евразийской интеграции до населения в рамках развлекательного телевизионного вещания сложно. И дело не в том, что «Мир» — недостаточно цитируемая телекомпания, надо просто определить нашу целевую аудиторию. Кто является реципиентом пропаганды? Согласно опросам, среднестатистический телезритель в России — женщина в возрасте 56,7 года, проживающая в поселке городского типа, разведенная, имеющая 1,3 ребенка. И наше развлекательное вещание в первую очередь рассчитано на эту женщину. Среднестатистический активный участник избирательного процесса приблизительно такой же, и политтехнологи прекрасно понимают, как сделать условного кандидата более привлекательным для такого избирателя. Как доходчиво рассказать среднестатистическому телезрителю — той самой женщине — о перспективах евразийской интеграции, чтобы ей это было интересно? Тут надо использовать разные форматы пропаганды. Нужны интересные мероприятия для молодежи в рам-

➤ **Что такое ЕАЭС? Это абсолютно естественная реакция отдельных стран на то, что им не предложили присоединиться к интеграционной повестке, скажем, Европейского союза.**



ках ЕАЭС, возможно, надо размещать на *YouTube* короткометражки, рассказывающие о евразийской интеграции, создавать красивую инфографику, как, например, делает Банк ЕАБР. Мы упрекаем молодых людей в том, что они мало читают, плохо воспринимают текст, так почему бы не поработать, размещая больше материалов, традиционных для молодежной медиасреды.

*Надо говорить на понятном им языке?*

Да, но избегая мелкотемья. Историй успеха очень много, и о них надо рассказывать, в том числе на телеканале «Мир». Наблюдается достаточно быстрый рост экономики отдельных государств — участников процесса. Об этом почему-то мало говорят, но мы знаем, что Армения, Киргизия, Белоруссия демонстрируют стабильный рост экономики в рамках интеграции. Россия, находящаяся в условиях санкций и переживающая последствия мирового экономического кризиса, демонстрирует другую динамику, перед российской экономикой стоят иные задачи — вернуться на предкризисный уровень.

*По поводу стран с растущей экономикой у меня есть некие опасения, хотя, может быть, это поколенческий синдром. Нет ли тут изживенчества: вы нам платите, мы голосуем за вашу политику, дали кредиты — мы с вами, не дали — мы пока подождем?*

Советский Союз нередко называют империей, на самом деле он был антиимперией. Центр никогда не процветал за счет окраин. Все было наоборот. Во многих бывших республиках СССР имеет место существенная деградация — экономики, социальных отношений, образования, хотя в свое время сепаратистские силы, которые разорвали Советский Союз на множество частей, утверждали, что без России они будут жить гораздо лучше.

*Как в Кувейте...*

Да, но ничего подобного не произошло. Ни у одного постсоветского государства нет экономических показателей, которым можно было бы позавидовать. Страны Балтии успешно используют свое географическое положение (я имею в виду их транзитные возможности), но там имеются существенные демографические проблемы, поскольку население выезжает в другие страны Евросоюза.

В государствах Центральной Азии со времен СССР существенно снизился подушевой ВВП. Нас упрекают в том, что в России все плохо, а я хочу сказать, что никогда за всю историю нашей страны люди не жили лучше, чем сейчас. Следовательно, тот экономический курс, который проводило руководство Российской Федерации, был близок к оптимальному. Это надо ценить.

*Как вы считаете, российское НКО-сообщество за последнее десятилетие повысило свои профессиональные компетенции?*

Фонд Горчакова был создан в 2010 году в первую очередь как грантодающая организация. В 2011 году мы открыли первое грантовое окно, провели первый конкурс на оказание финансовой помощи реализации проектов внешнеполитической направленности. Было получено больше 300 заявок. Хотя список приоритетных направлений, по которым принимались заявки, был опубликован, претенденты на гранты представили самый широкий спектр проектов, многие из которых имели весьма опосредованное отношение к внешней политике.

*Они отреагировали на слово «фонд»...*

Поэтому было принято решение провести несколько так называемых собственных мероприятий, в рамках которых показать, каковым является наше видение международных проектов. И такой формат оказался очень востребованным. Но несмотря на это, на собственные мероприятия мы тратим лишь весьма незначительную часть средств, аккумулируемых фондом, основная часть распределяется в рамках грантовой программы.

Отрадно наблюдать, что за прошедшие годы российский НКО-сектор изменился, в него пришли новые квалифицированные кадры, повысился их профессиональный уровень. Seriously возросли профессиональные компетенции тех, кто подает заявки на получение грантов, и это не может не радовать. С так называемыми грантоедомы мы тоже сталкивались, но они от нас поддержки не получили.

Среди наших грантополучателей есть достаточно серьезные организации. Они также получили поддержку от разного рода западных струк-

тур, в том числе от правительств зарубежных государств. Мы должны признать, что российское научное сообщество в 1990-е годы во многом выжило благодаря грантам западных организаций-доноров. В данном контексте отмечу, что Фонд Горчакова открыт к сотрудничеству с разного рода западными грантодающими организациями. Мы неоднократно вступали с ними в переговоры о проведении совместных мероприятий, однако, несмотря на обоюдное желание сторон проводить подобные мероприятия, большим списком совместных проектов мы похвастаться не можем.



Когда отдельные псевдолиберальные журналисты и политические деятели говорят о том, что в России нет гражданского общества, я могу на это ответить, что только в Министерстве юстиции зарегистрировано более 10 тысяч некоммерческих организаций, которые регулярно проводят мероприятия. И в первую очередь это социально ответственные структуры, занимающиеся волонтерством и социально значимыми проектами. Многие из них в качестве основного направления выбрали внешнеполитическую деятельность. Мы делаем все возможное, чтобы рассказать о деятельности этих организаций на международных площадках, вывести их на международный уровень и облегчить им взаимодействие с зарубежными партнерами. Наличие в России таких организаций положительно сказывается на имидже нашей страны за рубежом.

*Каков уровень конкуренции интеграционных процессов на евразийском континенте?*

Интеграционный процесс — это как семья, как деление на общины, роды и союзы. Они должны складываться на добровольных началах и иметь впоследствии выгоду, возможно, не материальную, а моральную. Существует несколько параллельно развивающихся интеграционных образований в военно-политической и экономической сфере, за бортом которых оказались достаточно крупные государства, в том числе и Российская Федерация. Что такое ЕАЭС? Это абсолютно естественная реакция отдельных стран на то, что им не предложили присоединиться к интеграционной повестке, скажем, Европейского союза. Все мы прекрасно понимаем, что вместе проще, выгоднее и безопаснее, чем поодиночке, поэтому параллельно НАТО существует ОДКБ. Если бы не санкции и некоторые политические аспекты, то

сопряжение ЕС и ЕАЭС происходило бы на значительно более высоком уровне. С большим соседом разговаривать проще, когда ты сам большой и твое мнение более весомо. Именно поэтому появились такие интеграционные проекты, как БРИКС и ШОС. Конечно, внутри ШОС тоже немало противоречий, например споры между Индией и Китаем, и этой организации предстоит развиваться и гармонизироваться в течение длительного времени. Я уверен, что члены ШОС сумеют справиться с этими проблемами, и территориальные споры между двумя крупнейшими государствами будут улажены так же, как был улажен территориальный вопрос между Россией и Китаем. Это была бы очень хорошая история успеха.

*Ваше профессиональное кредо?*

По первому образованию я переводчик, много времени проработал по специальности. С профессиональной точки зрения мне больше всего нравится заниматься литературным переводом. Но я много лет работаю в Фонде поддержки публичной дипломатии имени Горчакова, мне нравится моя работа, я не хочу ее менять.

*У вас есть любимая притча, девиз?*

Мы в свое время долго думали над девизом для Фонда Горчакова и выбрали такой: «Мир и справедливость». «Свобода и демократия» — это слова, определяющие внешнеполитические стратегии США и их сателлитов, они уже подзатерлись и в достаточной степени скомпрометированы. Под их прикрытием было совершено множество неприглядных поступков. Мир и справедливость — концептуально это может быть более важным, чем якобы и либеральные ценности, за которыми часто скрываются весьма постыдные дела. ■

ПЭС 18096 / 14.06.2018